

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Новая религиозность и медиа

Рыжкова Анна Юрьевна

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: apli-uxa@yandex.ru*

Теперь уже не принято рассуждать о медиа в терминах масс или тоталитаризма. Медиа меняются, становясь различными, атомическими, специализированными, интерактивными и приобретая все более определенную целевую аудиторию. Это поднимает серьезные вопросы в отношении представлений о медиа - монополистах, с которыми религии приходится бороться. Однако более важно то, что нынешние религиозные тренды заставляют нас задаться вопросом, существует ли вообще эта борьба.

«Сдвиг парадигмы» в изучении религии во многом похож на упомянутый нами сдвиг парадигмы в изучении медиа. Из того, что мы знаем об этих двух сферах, начинают прорисовываться контуры того, что мы можем обнаружить по мере погружения в область образования смыслов в эпоху медиа.

Следует более подробно рассмотреть это новое изучение религии и некоторые из его предпосылок.

Изменения характера религиозного совершенно очевидно происходят в сфере религиозного знания, которое в свою очередь также претерпевает серьезные изменения. В последние годы в целом ряде исследований современной религии стали подниматься серьезные вопросы о том, как в целом научный и светский дискурс относились к религии и духовности. Ведущий ученый, Кэтрин Албаниз (Catherine Albanese), описывала это изменение с точки зрения изменения в понимании религии от «totalizing» (суммирующей, объединяющей воедино) или универсализирующей реальность к осознанию религии во множестве ее проявлений и местоположений – от «религия» до «религиозный»[1].

Практика, которая получается в результате такого понимания изменений, помещает индивида и его практики культурного потребления в центр создания религиозного я. Без жестких категорий и границ общепризнанной религии, она свободно может войти на рынок культур/символов, наполненный ресурсами, необходимыми для поиска религиозного. Как практика входит на этот рынок и те способы, которыми она использует эти ресурсы для создания религиозного чувства или духовного «я», является центральным вопросом.

Пока эти ресурсы могут быть более доступны за пределами неких границ или даже в рамках народно-культурного рыночного пространства, существует необходимость поиска, понимания этих средств из множества источников, дополнительно удовлетворяющих контекстов. Диапазон этих «подавленных норм» религиозного опыта включает «визуальные образы», тело, объекты, ритуал, музыку. Существует широкий спектр символических и других ресурсов, доступных в сфере медиа, которые отражают эти нормы опыта.

Какие бы ресурсы ни были употреблены в публичной сфере, находящейся под влиянием медиа, у них самих есть свои истории, истории, которые зачастую уходят корнями

в религиозные традиции разного рода. Ни проект, ни его результат не должны рассматриваться как что-то совершенно новаторское. Несмотря на все, что мы говорили о духовности как индивидуальном, это включает в себя значения, символы, практики и процессы, рожденные и сформированные общественной жизнью и противостояниями современности и религиозной традиции; и по этой причине, духовность не может быть рассмотрена просто как предмет индивидуального выбора.

Развитие подобного нового «рынка религиозного/символического» в медиа и его зарождающаяся взаимосвязь с точками религиозной чувствительности происходит в значительной степени «под сенью» религиозных и духовных институтов и лидеров. Для этого существует целый ряд причин, однако наиболее любопытные связаны с ролью религиозного «истеблишмента» в прошлом столетии.

В середине века (особенно четко эта ситуация наблюдалась в сфере телевидения) между традиционными религиями и стандартными средствами массовой информации установились взаимовыгодные связи, при которых СМИ предоставили религиозным институтам возможности транслировать религиозные программы.

Безусловно, эти религиозные программы были специфическими. Они соответствовали концепции, согласно которой религия являлась центральной, стабильной и важной силой в сфере культуры. В таком же ключе журналисты выпускали программы, посвященные традиционным религиям. Достойными СМИ считались те, которые поддерживали высокие стремления и религиозные идеалы. Эти идеалы соответствовали более общим понятиям о культурной иерархии, существовавшим в образовательных и культурных учреждениях. Лидеры в сфере образования в Великобритании и США давно уже придерживались взглядов, согласно которым «высокое» искусство могло быть воодушевляющим, вдохновляющим и несущим позитивный заряд, в то время как «низкое», или «популистское» искусство могло быть либо пустой тратой времени, либо же морально дезориентировать людей. В середине века религиозные учреждения начали придерживаться такого же мнения о взаимоотношениях искусства (и в целом культуры) и религии.

Салли Промей (Sally Promeу), исследователь в области истории искусства, указала на глубинную связь между спорами по поводу массовой культуры, ведущимися учебными заведениями, связанными с этой сферой, и идеями влиятельных лидеров неортодоксального течения, которое занимало лидирующие позиции в Протестантской теологической школе на протяжении большей части 20 века. Центральной фигурой был теолог Пауль Тиллих, который, по мнению С. Промей, продвигал идеи о том, что элитная культура и массовая культура произошли от влиятельной Франкфуртской школы и высказываемых её представителями идей об идеологическом доминировании СМИ. По мнению П. Тиллиха, только «высокое искусство» должно было играть нормативную роль в религиозных и духовных поисках. «Низкого искусства», пропагандируемого СМИ, следовало избегать. Как и в случае представителей Франкфуртской школы, в основе критики П. Тиллиха лежали два утверждения: о том, что популистское искусство масс, воплощением которого и являются СМИ, является помехой, если не препятствием для истинной веры, и о том, что СМИ составляют ядро массовой культуры и являются средством для распространения идеологической пропаганды, а потому могут способствовать возникновению фашизма, что и произошло в Европе перед Второй мировой войной[2].

Литература

1. Albanese Catherine, *America: Religions and Religion*, 1998, Florence, KY: Wadsworth Publishing.
2. Promey Sally, *Interchangeable art: Warner Sallman and the critics of mass culture*, in D. Morgan (ed.) *Icons of American Protestantism: the Art of Warner Sallman*, 1996, New Haven: Yale University Press.